

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Внутренние перемены в российском обществе происходят на фоне крупномасштабных трансформаций, которые получили наименование глобализации. Термин «глобализация» в настоящее время стал настолько распространенным, что практически ни одно серьезное социально-политическое исследование без него не обходится. Для обозначения этого явления в разных странах используются различные слова. Если в англоговорящих странах оно обозначается как глобализация, или глобализм, то во Франции этот феномен называют мондиализацией.

Важнейшие проблемы, которые ставит глобализация, — изменение роли и функций национального государства; соотношение локального и глобального; трансформация основных демократических ценностей. В России, где этатистские тенденции в развитии общества исторически традиционно сильны, обсуждение перспектив и судеб государства в рамках новой картины мира, создаваемой глобализацией, несомненно, вызывают живейший интерес. Однако при этом до конца неясным остается как само понятие глобализации, так и то, какие социально-политические последствия она несет с собой.

Самое общее значение, которое включает в себе термин глобализация, — это стремление распространиться по всему пространству планеты на базе какого-либо принципа. В зависимости от того, какой принцип лежит в основании этого процесса, можно выделить на данном этапе несколько смыслов идеи глобализации.

В настоящее время наиболее очевидный, самый мощный, а главное, реальный принцип — финансово-экономический. Сопутствующий ему смысл глобализации, хотя подвергается противоречивым напад-

кам и вызывает острые дискуссии при оценке результатов, все же еди-нодушно определяется как стремление экономико-финансовых над-мировых (или транснациональных) структур объять весь мир под пред-логом достижения максимальной эффективности производственной деятельности. Эта версия обсуждает плюсы и минусы однополярного мира, создания мирового правительства, функционирования транс-национальных корпораций. Надо признать, что именно эта трактовка, часто негативно-политическая, представлена в мировой практике, в то время как другие интерпретации носят скорее гипотетический, сугубо теоретический характер.

Итак, другое толкование глобализации — более глубинное фило-софское — связано с феноменом артифицирования природного мира человеком, приобщения природы социуму, придания ей смысла. Эта трактовка исходит из феномена радикального расщепления мира при-роды (естественного порядка) и человеческого универсума (который есть мир культуры). Дуализм человеческого бытия состоит в том, что индивид, с одной стороны, есть часть естественного мира по рождению, но существует он только в культуре и через культуру. Именно этот факт отделяет человека от природы, но в то же время позволяет ему гумани-зировать природу, дать ей смысл человеческого существования.

Сущность природы и человека в некотором отношении противо-положны друг другу. Природа, несмотря на круговорот умирания и возрождения, как бы отвечает за устойчивость, постоянство вещей. Человеческая суть, напротив, как бы призвана отразить текучесть, изменчивость через многообразие эпох, нравов, культур, ситуаций, и одновременно парадоксально обозначить то общее и уникальное, что свойственно человеку. При этом характерно, что именно культура воплощает, собирает, хранит идеальные и материальные продукты творчества человека. Благодаря культуре результаты труда человека бессмертны, устойчивы, хотя сам он смертен, конечен.

Благодаря культуре человек становится социальным животным. Это происходит через создание обычаев, правил, табу, кодов, символов, которые могут быть и становятся основой общепланетарных смыслов. Глобализация, таким образом, понимается как артификация, т.е. при-общение планеты человеку, ее очеловечивание.

Интеграция пространства земного шара требует, прежде всего, выработки единого языка, объединительной кодификации человече-ской деятельности. В такой перспективе обмены, ставшие символом современной эпохи — эпохи глобализации, — приобретают положи-тельное значение и резон.

Если рассматривать артификацию планетной среды как глубинный смысл глобализации, то интенсификация обменов всех видов (от материально-технических, главным образом средств транспорта, до инструментов трансляции слов, образов, символов, информации) выглядит как естественное средство реализации артификации среды. Недаром понятие обмен замещается в современном дискурсе словом «коммуникация», означающего в переводе «связь», «соединение». Тем самым предлагается интенция не просто обмена чем-либо, а такого обмена, который создает единое пространство и даже единую субстанцию в масштабах земного шара. Логическим завершением и венцом глобализации считается Интернет — сеть, всемирная паутина, т.е. наитеснейшая взаимосвязь и взаимозависимость.

Реальность, однако, богата парадоксами негативного свойства. На практике вектор власти меняется на противоположный: не гуманизация, не очеловечивание природы управляют отношениями между индивидами, а финансы подчиняют себе человеческие связи и взаимодействия. Более того, новейшие электронные технологии порою становятся непосредственным механизмом кризиса, позволяя напрямую «соединить» пространство и время, переместить капиталы от одного предприятия к другому, от одного региона планеты к другому за считанные секунды. Именно это и произошло в 1987 году, когда, по общему признанию, главным виновником первого общемирового финансового кризиса стал компьютер.

Третий смысл глобализации представлен экологизмом. В нем заложена идея примирения векового раскола двух сущностей человека — естественной и социальной, слияния человека и природы, достижение их предустановленной гармонии. Ностальгическая мечта о земном рае, о воссоединении человека с природой, игнорируя факты цивилизаторской эксплуатации человеком окружающей среды для своих производственных нужд, составляют глубинную смысловую суть экологизма.

Глобализация как идея общей судьбы и общего дома человечества выросла из экологизма, из стремления защитить и сберечь природу как среду обитания человека. Но глобализация XX и начала XXI веков не только превзошла экологизм, она вступила в радикальное противоречие с последним. Принципы, лежащие в основании экологизма и современного глобализма, несовместимы и порою непримиримо враждебны друг другу. В самом деле, в основе экологизма лежит идиллическая картина примирения человека с природой. В своем стремлении сохранить все, что существует (от народностей, находящихся под угрозой вымирания до символов памяти прошлого), он предста-

ет как попытка остановить движение и современную его интерпретацию — «потоки» глобализации (транспортные, экономические, финансовые), уничтожающие все традиционное. Изменения несут с собой неизбежную эрозию прошлого и настоящего, постоянную необходимость обновления, разрушения и нового созидания. Именно сущностное противоречие экологизма и глобализма в конечном счете легло в основу современного противодействия глобализму — движений антиглобализма.

Следует, очевидно, отличать глобализацию как интерпретацию общепланетарности от глобализма как конкретной политической стратегии начала XXI века. Первая имеет географический подтекст единого планетарного пространства. Второй акцентирует связи, взаимодействия между различными отраслями человеческой деятельности. Если первый хотел бы видеть равенство условий выживания, равный доступ для всех и для каждого к хорошей экологии, то второй предполагает учредить перераспределение ответственности (за загрязнение среды, размещение отходов и т.п.) на разных уровнях мировой иерархии (на уровне ячейки гражданского общества, региона, государства, мирового правительства). Но равенство и иерархия в определенном отношении противостоят друг другу. На практике глобализм, используя экологический текст, в конечном счете подрывает смысл экологизма.

К вопросу об уточнении терминологии

Как свидетельствуют западные исследователи, глобализация сегодня приобретает значение парадигмы¹.

В современном контексте глобальное приобретает совершенно новое качество. Пришло время строго отчленив его от понятий интернационального, транснационального, мирового и планетарного.

Когда говорят об интернациональных связях, то подразумевают целый ряд понятий, центральным для которых является идея «нации». Интер-нацио-нальный означает между-нацио (народ)-ный и предполагает необходимость отношений между нациями. Но как раз это-то и отрицает глобализация. Таким образом, интернациональное ни в коем случае не есть глобальное.

Сегодня, очевидно, было бы странным ожидать, чтобы глобализация предстала в виде «Организации Объединенных Наций», как это естественным образом виделось во времена формирования Старого мирового порядка, объединявшего два качественно раз-

ных типа общественных систем. Сегодня ООН несет на себе налет провинциализма, это — несамостоятельная, зависимая, рядовая организация.

Глобализация превосходит интернационализацию и по сути, и по масштабам. Более того, одной из характеристик глобализации является «факт насмешки над интернациональным в строгом смысле этого слова»². Примером тому служит Интернет, благодаря которому каждый может путем элементарного абонирования подсоединиться к «святым святым» государственного (национального) интеллекта — Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, не испрашивая никакого на то разрешения у служащих аппарата.

Таким образом, если бы и можно было оперировать реалией «нации» при анализе такого парадигмально нового процесса, каким является глобализация, то в таком случае следовало бы скорее говорить о «транснационализации», да и то только в том смысле, что некоторые обмены между нациями выходят за рамки национального и межнационального права. И все же термин «транснациональный» также неприемлем, поскольку имеет истоки в 70-х годах XX века и тесно увязывается с феноменом «транснациональных корпораций».

Говоря о глобализации, следует отчленить это понятие от эпитетов «мировой» и «планетарный».

Прежде всего, мир не сводится территориально к пространству планеты Земля. С другой стороны, наш глобус еще не есть весь мир. Когда авторы научно-фантастических романов, откуда и распространилась эта вокабула, говорят о «войне миров», то речь идет об отношениях нашего мира с другими галактиками. «Мировой» и этимологически связанное с ним французское наименование глобализации «мондиализация» несут в себе скрытую коннотацию идеи объединенного мира планеты Земля, противостоящему космическому нашествию. Но это есть процесс экзотерический по сравнению с «внутренними делами» народов и государств планеты Земля, которые отражаются в феномене глобализации.

Глобальное не является также смысловым синонимом «планетарного». Как отмечает Андре-Жан Арно, содиректор Французского национального Центра социологических исследований, «глобальное могло бы означать планетарное, если бы оно в последние годы не приобрело того империалистического «душка», который вобрал в себя этот термин в результате его широкого использования сильнейшими государствами современного мира, политика которых резко контрастирует с политикой более слаборазвитых стран. И поэтому, — продолжает, А.-Ж.Арно, — я высказываюсь за

совершенно определенную, специфическую интерпретацию и употребление термина «глобализация»³. С его мнением, очевидно, нельзя не согласиться.

Современные оценки глобализации

Размышления о глобализации не оставляют никого равнодушным. Этическая перспектива оценки глобализации расколола мир на два непримиримых лагеря — тех, кто считает ее одним из величайших зол, с которым когда-либо сталкивался мир, и тех, кто видит в ней единственную надежду на мировое спасение. Одни полагают, что процесс глобализации — не что иное, как проявления нового культурного империализма — американского. Другие видят в нем прообраз нового мессианства. Спектр политических предпочтений колеблется от адвокатов глобализации, которые открывают в ней гуманистические перспективы, до политических левых, религиозных фундаменталистов и экстремистов, которые ненавидят все, что связано с глобализмом и для которых современные мировые процессы ассоциируются с богохульством и сверхэксплуатацией.

Однако, как рассуждают умеренные социологи, и те, и другие грешат излишней категоричностью и злоупотребляют фактами и аргументацией в определении новых тенденций развития. «Мондиализация, как и всякий другой процесс, порождает усложнение отношений и взаимоотношений, и манихейский подход к исследованию этого феномена совершенно неуместен и нелегитимен ни с практической, ни с научной точки зрения»⁴.

Существует и еще одна, третья, категория исследователей. Они считают, что феномен глобализации присутствовал всегда в рамках капиталистического производства и не представляет из себя ничего радикально нового. При этом высказывается предостережение против ошибочного восприятия глобальной экономики как такой, которая лежит в основании общества в целом и является определяющей для всех остальных его сторон — культурной, социальной, политической. На самом деле, отмечают они, те процессы, которые сегодня обозначают как мондиализацию, появились вовсе не в 70-х годах XX века. История свидетельствует о том, что капиталистическое общество неоднократно переживало периоды интенсивной открытости, которые вполне можно квалифицировать как периоды мондиализации. В качестве примера приводится эпоха конца

XIX века. За этими периодами неизбежно следовали этапы закрытости экономики, о чем свидетельствует временной интервал, начавшийся в 1920 году⁵.

Сходная ситуация наблюдается и в российском научном сообществе. Отношение к глобализации «стало сегодня чуть ли не «основным вопросом» политической социологии, — указывает В.Л.Иноземцев. — Неолибералы, считающие глобализацию процессом объективным и непреодолимым, видят в ней свидетельство расширения и укрепления рыночных отношений, демонстрацию исторического триумфа их идеологии. Социалисты и коммунисты, усматривающие за теми же тенденциями действия мирового капитала, надеются, что нарастающие в ходе глобализации масштабы всемирного неравенства реанимируют протестное движение, которое снова востребует их социальную теорию⁶.

Несмотря на большие разночтения и антагонистические оценки глобализации, все сходится в одном — в том, что современный период представляет собой период огромной трансформации, который затрагивает практически все аспекты человеческой жизни — от технологии производства и управления до индивидуальных ценностей. И как всякая переходная эпоха, она связана с неопределенностью бытия, неопределенностью выбора форм политического существования, моральных и правовых норм, идеологической зыбкостью. Отсюда такие интерпретации нынешнего состояния мира, как «время неопределенности»⁷ или «разбегающийся мир»⁸.

Несмотря на многообразие точек зрения на истоки глобализации, сегодня уже можно говорить об историческом пути современной глобализации. В ее эволюции можно выделить три этапа. Первый этап охватывает период после окончания второй мировой войны до 70-х годов XX века. Эта эпоха характеризуется господством идеи нации, национального государства, которое есть главный субъект политики, внутренней и внешней. Судьба каждого народа решается, прежде всего, внутри страны. Движение капиталов и товаров остается целиком и полностью под контролем государства, несмотря на то, что факт международной торговли имеет место, активно развивается и является важным фактором национального процветания. Одним словом, для того, чтобы понять все стороны жизни — экономическую, политическую, культурную, международную, — нужно брать за точку отсчета национальное государство.

Второй этап начинается в конце 60-х, середине 70-х годов и ограничивается концом столетия. Мировые процессы в этот период принимают форму мультинационализации (la multinatioalisation).

Транснациональные фирмы перешагивают национальные границы, организуют собственные экономические и коммерческие сети по всей планете с филиалами в различных государствах мира. Национальные государства оказываются не единственными субъектами мировой политики, их суверенитет ставится под вопрос.

Новизну процесса составляет уничтожение идеи «дома», привязанности к месту, территории, которые являются ключевыми для понимания сущности и смысла существования государства. С этой точки зрения характерным и очень важным было распространение синонимов термина «транснациональная корпорация», таких, как «многонациональные» или «мультинациональные корпорации». Все эти понятия означали, что, «перешагивая» границы государств, компании такого рода все же имели «дома», правда, во многих странах. Таким образом, понятие единственности, особенности «дома», «малой родины» размывалось, подвергалось сомнению.

Наконец, с конца XX столетия происходит новый качественный скачок в развитии мировых процессов, который, собственно, и обозначают как глобализацию. Смысл его состоит в том, что сеть интересов планетарных субъектов образует новую единую сущность, которая поднимается над национальными государствами и имеет планетарный масштаб. Народы различных стран фактически теряют суверенитет и оказываются второстепенными субъектами политики. Суть этого этапа состоит в том, что отныне для того, чтобы понять экономическую, политическую и культурную жизнь нации, нужно исходить из мирового уровня анализа.

Коренной проблемой сегодня становится решение вопроса об онтологической стороне глобализации, т.е. о том, что она такое есть — новая экономическая реальность или идеология? Или, если ставить эту проблему под углом зрения генезиса глобализации, она должна быть сформулирована следующим образом: является ли глобализация объективным, природным, естественно-экономическим, независимым от мыслительных конструкций процессом или, напротив, результатом целенаправленной политики каких-либо субъектов, групп, слоев, социальных авторов?

Глобализм как продукт политической воли

Один из известнейших политических философов современности Пьер Бурдьё высказывается по этому поводу совершенно определенно. Он считает, что глобализация вовсе не носит естественноис-

торического, объективного, независимого от политической интервенции характера. Более того, утверждает он, глобализация — это даже социальный процесс, а функция политики. Пьер Бурдьё пишет: «Мы являемся свидетелями политики мондиализации (я говорю именно о «политике мондиализации», а не о мондиализации как естественном, природном процессе)»⁹.

Более мягко, но фактически в полном согласии с идеями П. Бурдьё, определяет свою позицию ректор и профессор Университета Париж-Сорбонна Жерар-Франсуа Дюмон. Он обосновывает свою точку зрения как бы с противоположной стороны — путем отрицания причастности экономического сектора (фирм и предприятий) к этому процессу. Дюмон полагает, что представление о глобализации как о следствии неумемного аппетита мультинациональных фирм глубоко ошибочно¹⁰. Глобализация никогда не была для предприятий целью, а тем более проектом. Идеал деятельности любого предприятия — получить и сохранить стабильное преимущество на завоеванном и хорошо защищенном конкретном рынке. И если что-то толкает его к изменению этой стратегии поведения, то это только внешние принуждения.

Дюмон считает, что глобализация есть, прежде всего, результат целого ряда политических решений и действий, имевших место, начиная с последней трети XX века. Среди политических изменений, породивших глобализацию, утверждает он, следует различать четыре уровня — мировой, региональный, национальный и локальный, причем последние три способствуют становлению первого, «работают» на его укрепление.

Первым шагом глобального сценария был Римский Договор 1957 года, положивший начало региональному объединению стран Европы. Это событие, указывает автор, носит чисто политический характер, так как инициатива Договора принадлежала французским политикам, действия которых противоречили интересам французских предприятий. Они действовали наперекор главной экономической инстанции Франции в этом вопросе — Национальному Совету французского патроната. Последний безуспешно пытался противостоять введению в действие механизма общего рынка, который запускал Римский Договор. Главным аргументом патроната было то, что французская экономика и французские предприятия неспособны были в достаточной мере противостоять новым конкурентам, которые неизбежно будут привлечены в страну благодаря открытию границ. Они предпочли бы сохранить для себя ситуацию рыночного протекционизма, которым в то время пользовались. Этот эпизод

как нельзя лучше подкрепляет посылку автора о том, что глобализация не есть результат доброй воли предприятий, а продукт политической игры.

Другим фактом, иллюстрирующим политическую аргументацию глобализации, Дюмон называет экономическое соперничество США с Европой, в котором для Америки не было никакой необходимости, кроме стремления к политическому могуществу, скрывающемуся под экономической подоплекой. В самом деле, почему усиление позиции европейской шестерки в международной торговле начинают столь сильно волновать заокеанскую державу, которая в отличие от Европы вовсе не испытывает дефицита ресурсов. США — практически самодостаточная страна с этой точки зрения, в противоположность европейцам, которые находятся в полной сырьевой и энергетической зависимости от других регионов мира и могут развивать свою промышленность только за счет импорта. Что касается Америки, то даже импорт нефти они осуществляют только из стремления экономии своих собственных ресурсов. Таким образом, международная торговая стратегия Америки объяснима, полагает исследователь, только с точки зрения «стратегии могущества». В этом отношении Торговый Акт Кеннеди 1962 года, открывший новый массированный этап развития мировой торговли, является актом рождения мировой глобализации в противовес Римскому Договору, который стал родоначальником региональной глобализации¹¹.

Региональная форма глобализации, в свою очередь, способствует увеличению объема торгового оборота в масштабах планеты и усиливает свободу циркуляции людей и капиталов. Функции региональной глобализации выполняют, прежде всего, Европейское экономическое сообщество, количество членов которого увеличилось с шести в 1957 году до 15 в 1997 году и предполагает вырасти в ближайшем будущем до 27 стран-членов, а также АСЕАН, АЛЕНА, Меркосюр и, наконец, мусульманская «восьмерка», образованная в феврале 2001 года в Каире. Эти организации совершенно не ставят своей целью противодействие процессу мировой глобализации. Возникая на основе желания снизить неблагоприятные воздействия мирового процесса на национальные экономики, они фактически оказывают этому процессу поддержку.

Наряду с пространственным объединением происходит интернационализация права, которая унифицирует юридический контекст обменов, ограничивая возможности влияния на него специфической политики отдельных государств.